

Глава IV. При Сталлионе такого не было

...В которой сержант Перкинс в очередной раз докажет, что недаром носит сержантское седло, а баня на атомной энергии уже не представится Шайнингу чем-то диким и необычным.

Сумрачный сталлионградский гений ещё никогда не был так сумрачен.

Шагали в ногу панцирные медведи, а на них, браво салютуя, ехали усачи, земные пони в папах с лисьими хвостами — тяжёлая медведьлерия. Гремя прикладами о мостовую, шли стрельцы-единороги с патронташами на груди, в шапках с меховыми околышами. Летели стройными клиньями авиаторы в пилотках. Потом помчали, запряжённые медведями, сани-тачанки; и на каждой было по орудию, которое звалось «пулемёт Папаша».

Кумач, расшитый золотом, вился над головами сталлионградцев. Там и сям пестрели лозунги: «броня крепка, медведи наши быстры», «когда поют дружины, спокойно дети спят» «Сталлионград-батюшка зовёт», «кто к нам с войной пойдёт, от войны и погибнет».

Плащи, стелясь за солдатами, горели алым в вихрях белых снежинок.

*Путь далёк у нас с тобою,
Веселей бердыш неси!
Вьется, вьётся знамя полковое,
Пониссары впереди!*

*Дружина, в путь, в путь, в путь!
И для тебя, родная,
Есть должность полевая.
Вперёд! Гармонь зовет,
Дружина — в поход!*

*Каждый хлопчик — воин бравый,
Как медведь стремится в бой!
Породнились мы со славой,
Сомбре вдарили с лихвой!*

*Ворог пусть запомнит это
Не грозим, а говорим;
Мы спасли, спасли с тобой полсвета,
Если надо — повторим!*

*Дружина, в путь, в путь, в путь!
И для тебя, родная,*

*Есть должность полевая.
Вперёд! Гармонь зовёт,
Дружина — в поход!
Дружина!.. в похо-од!..*

Из памяти Шайнинга ещё не стёрлась приветственная встреча, больше похожая на проделку Дискорда — но великолепие, которое он увидел на параде, сгладило даже то крошечное варварство. Оказывается, у сталлионградцев было золото; просто они расходовали его только на знамёна и лозунги для парадов. Зато не скупились. В действительности, сталлионградцы тоже умели щеголять выучкой...

Да какое там — щеголять. Одна мысль стучалась сейчас в голове Шайнинга: парады, славные Кантерлотские парады, за проведение которых отвечала Гвардия, были ничем. За парадом на Площади Товарища Сталлиона стояла кровь и кости сталлионградский богатырей, polegших в боях с Королём Сомброй. А что стояло за эквестрийскими парадками?.. Хэйбургегры? Сэндвичи с нарциссами?..

Мрачные раздумья теснились в голове Шайнинга. Он ненавидел и обожал Сталлионград одновременно. Он не мог простить Булата за то, что тот заплатил презлым за предобрейшее, но стал его понимать. Для пониссара Шайнинг — всего лишь оловянный солдатик, раскрашенный в жёлтое.

«Вы поступили в мой любимый гвардейский корпус!» — орал Шрапнелл, и был прав. Но дальше-то что? Турниры? Парадики? Почётна и завидна наша роль? Нет. Кучка павлинов. Стайка лабрадоров. Золотые лошадки-качалки. Вот и всё. И кому какое дело, что вместо состязания «Железного Пони», которым развлекались обычные мещане, они проводят турниры?

Шайнинг взглянул на Булата. Здесь были Селестия, Волга, сталлионградские думные бояре, и все эквестрийцы. Но что эквестрийцы?.. Что для них парад, когда они не знают подоплёки? Сюрпрайз, как всегда, была в восторге — только ещё восторженней обычного, Фэнси Пэнтс, как всегда, благосклонно улыбался — только ещё благосклонней обычного, а мистер Пай, как всегда, хмурился — только ещё мрачнее обычного. Разве что, Спитфайр выделялась из толпы эквестрийцев: она, как знаток парадных дел, смотрела на сталлионградцев с несвойственным ей уважением.

«Нет, навозная стружка, — сдвинул брови Шайнинг. — Мириться с этим нельзя. Золотая слава Эквестрии не должна померкнуть под красным напором.

Турниры... турниры... И в голову пришла счастливая мысль.

Трудно передать словами искреннее изумление Булата, слушавшего суть традиционного гвардейского турнира. Когда сказали ему, что два гвардейца должны, не используя магии, с разгону бить один другого копьями, он поглядел на всех, как на шутников, а после хмыкнул. Видно, им там настолько делать нечего, что они выдумали друг друга лупить. Тоже мне, умно. Ну а когда он узнал, что турниры эти проводятся регулярно, да ещё и собирают тучи народу, да ещё и те, кто победил в них, делаются

героями, он и вовсе скривился.

Добро. Поглядим.

Булат походил вокруг перегорожок. Вот оно, так называемое «ристалище». Встал. Стал глядеть.

— Дядя Булат! — раздался оклик. То парил над головами Харитоша, в отдраенной до блеска парадной форме и пионерском галстучке. Ударив копытами о мостовую, он залихватски откозырял и вытянулся. Ему, участвовавшему в параде вместе с Бронеусом, хотелось услышать мнение дяди.

— А, — улыбнулся Булат, — наш удалец! Ну, чудо-богатырь, загляденье! — он склонился к Харитоше. — Только погляди на эквестрияков. Вестимо у них, как они вас увидали, поджилки-то задрожали. Объясняю. Тоже пытаются показать, что не лыком шиты — да куда там!..

Булата и впрямь переполняла гордость за племяшу, Народную Краснознамённую Войсковую Дружину и весь Сталлионград. Он считал ежегодные парады — старинный, почтенный обычай — одной из лучших традиций родины.

Положив копыто на спину Харитоше, Булат сказал:

— А теперь, брат, давай наострим глаза на наших скоморохов.

На удивление, Шаня первым не полез. Запевалой заделался какой-то рыжий пегас, уже одетый в «особую, сверхтяжёлую защитную турнирную сбрую с кольчужной попоной». Как узнал Булат, звался он Флэш Сентри, и был он заносчивый, самолюбивый мясоед и выскочка, но — многократный чемпион. Флэш Сентри вышел под аплодисменты зрителей, поклонился, приторочил к седлу табельную турнирную пику и стал оглядывать гвардейцев, задирая нос. Да, рядом с чванством этого меркла даже спесь Шани.

— А ну-ка, не будь я Перкинс, посторонись!

И на ристалище вывалился, разминая копыта, давешний толстяк. Обьёмистым туловом он занял чуть ли не полплощадки.

— Иго-го, глядите, кто вышел! — слышались от гвардейцев крики.

— Берегись, Флэш! Берегись, додо!

Флэш, пегас высокого полёта, вроде, и виду не подал — куражиться только стал больше — но Булат его сразу разгадал. Дело ясное: этот их Перкинс ни разу не участвовал в турнирах, и Флэш попросту не знает, чего ждать от старого пройдохи.

Когда Перкинс облачился в латы, в толпе загудели: «экая бандура!.. ну и сундук!.. такой — мало не покажется!..»

Харитоша всячески изображал равнодушие, но на самом же деле Булат знал: уж кого-кого, а хлопчика вроде него подобным затуманить легче лёгкого.

Противники встали по два полюса площадки. Флэш Сентри рыл копытом землю, скалил зубы, потряхивал гривой; Перкинс благодушно улыбался. Кто кому утрёт нос, было ясно уже сейчас.

И они сшиблись. Флэш Сентри с громким «уа-а-а!» отлетел назад и ударился о заграждение. Под шум аплодисментов и крики «любо!» Перкинс раскланялся и ни с того ни с сего рассказал историйку о том, как в былые времена некий заядлый турнирщик-пегас отказывался сшибиться с противником, поскольку на трибунах сидела некая ужасно обольстительная кобыледи — а благородный джентльпони не мог драться

со стояком крыльев под сбруей, не будь я Перкинс.

Тем временем, подросел второй противник. Третий. Четвёртый. Перкинс, казалось, даже не вспотел.

— Матушка! — помахал копытом Харитоша. — А мы тут!

Булат огляделся. Сквозь толпу прокладывала себе дорогу Копейка. Когда взгляды брата и сестры пересеклись, Булату стало не по себе: он вспомнил ночное пробуждение и то страшное, неуютное чувство, когда он стоял перед дверью, блуждая мыслями в прошлом.

Копейка не подала виду. Потрепав по голове Харитошу, она поцеловала в щёку, как ни в чём ни бывало, Булата и встала рядом.

— А где Варяг? — спросила Копейка.

— Да так, — Харитоша махнул копытом, — ушёл. Чего-то у них там в порту случилось. Ладя «Аврора», что ли, пальнула не туда...

«Что ж, — стиснул Булат, — показать, что ничего не случилось — намерение правильное, доброе. Вот только не до благодушия нынче. Кто не с нами, тот против нас».

Булат сунул в рот кончик копыта и засвистал звончее теноров Краснознамённого Хора. Все обернулись, и Булат ощутил прилив молодецкой удали: ему казалось, будто он трубит наступление. Вставайте, пони вольные.

— А ну, братове, сотворите-ка и мне сбрую!

Булат перемахнул через заграждение и заломил набекрень фуражку.

Была не была, а служба — не сахар. Надо эквестрияков проучить: какую бы вшивую важность они не выдумали, в ней наследники Товарища Сталлиона из шкуры вон вылезут, а будут стократ искусней уже с первого раза. Всем на зависть, чтоб у них аж живот заболел! А то думают, пампадуры-мармадюки, будто мы дрань какая-то. Догнать и перегнать, так вас и растак!

Перкинс, сощурившись, с головы до ног окинул Булата своим воловьим взглядом — но не сказал ничего. Непросто было что-нибудь понять по лицу этого дивана. Он умудрялся ухмыляться и не ухмыляться одновременно.

Копейка смотрела на Булата с изумлением нескрываемым. Харитоша — с обожанием. Булат подмигнул им обоим, отдал честь, и отвернулся. Копейка может считать как ей вздумается, а мы поскачем другим путём. И пускай эквестрияки манят нас своим радужным повидлом сколько влезет.

Итак, накинули попону, сбрую и приторочили к седлу копьё — палочку-выручалочку. Без прибора, как говорится, и параспрайта не забьёшь. Шлем ему принесли свой, сталлионградский; не эту рыблю эквестрийскую голову, а круглый, высокий, с изображением солнца.

Булат, напевая «Прощание сталлионградки», сделал пару пробных шагов. Как говорил старшина Квасман, «сталлионградичей много не бывает, но мало не покажется».

— Коротка, кольчужка-то... — протянул Булат. — А впрочем, за мной дело не станет. Айда, эквестрияк!

Он занял позицию. Теперь по другую сторону стоял жирный, сытый и нахальный враг, который пришёл, чтобы сделать из Сталлионграда пустырь, съесть его и не подавиться. Всё не казалось уже простой бравадой, нет. Как в бытность солдатом нёсся Булат, не разбирая дороги, на чуд-юд из ледяных пустошей, так и теперь понесётся на иноземца.

Разобьёт эквестрияков на родной земле, но на чужом поле.

«Где наш брат не пропал».

— Пошёл!

И, проговаривая про себя заветы Товарища Сталлиона, Булат помчал вперёд.

— Я! Я вызываю Булата Кремлина на бой!

Не успела публика оправиться от вида поверженного, потихоньку сучащего копытами Перкинса, как Шайнинг уже выскочил на ристалище.

Этого не может быть. Что за чёрная магия? Как? Неужели Перкинс поддался? Да нет, вот он, идёт, пофыркивая и приговаривая «недурственно, недурственно, не будь я Перкинс...»

Всё шло как по маслу. Гвардейцы бы повоевали, сталлионградцы поняли, что не всё так прогнило в Эквестрийском Королевстве, и всепони были бы довольны. Так нет же, навозная стружка, нет! Надо было кое-кому вылезти и попортить кровь.

Облачаясь в сбрую заученными на зубок движениями, Шайнинг лихорадочно соображал. Чемпионом он быть никогда не стремился, но марку держал уверенно — однако это вам не вафельки с вареньем кушать; Булат Кремлин страшный противник, если с нахрапа сумел освоить науку, на которую у гвардейцев уходили годы упражнений и тренировок. Да вы только взгляните на этого Булата! Перья распушил, словно вондерболт!

— Я готов.

— Что тут хитрить? — ухмыльнулся Булат. — Пожалуй к бою, голуба.

Шайнинг пригнул голову. Противник достаточно крупный, так что разумнее всего ударить «наскоком Файрфлая».

— Пошёл!

Загремела тяжёлая поступь копыт. Шайнинг, массивный и прямолинейный, как таран, слившись с оружием в одно стремление, склонил голову и покатился в атаку, набирая силу, приумножая натиск, проговаривая слова «Правь Эквестрией, Принцесса!»...

И столкнулись два девятых вала. Зазвенело, хрустнуло, переломилось — крепкий дуб разбился в щепы, сталь наконечников из круга превратилась в блин. Противники, одурелые, стояли посреди ристалища, сверля друг друга глазами.

Ропот пронёсся по толпе. Такого Сталлионград-батюшка ещё не видывал.

Что это за гвардеец, который не может одержать славной виктории?..

Шайнинг пропотел насквозь. Неприятеля сшибались уже три раза. Гвардейцам пришлось слетать за запасными копьями. Остальные изломались.

Ситуация — первый сорт. Туземец бьёт рыцаря без страха и упрёка на его же поле! Да где это видано? Куда Эквестрия катится? Что бы сказала Кэйдэнс?

В груди у Шайнинга свербило. Нельзя потерпеть поражение. На кону не личная честь — честь нации, а это вам не фунт изюма! Тут все средства хороши! Победить каналью, разделать под орех, любой ценой! Втоптать в навоз, ясно тебе, крупогрыз?!

Шайнинг вздрогнул и посмотрел на Булата. На тех, кто не знает Турнирного Уложения, Турнирное Уложение не распространяется.

Укрепившись на всех четырёх копытах, Шайнинг пошатнулся.

«Я буду сражаться за честь! За них! За меня! За Эквестрию!»

Про теплоту и доверительность беседы с Её Величеством Шайнинг предпочёл забыть. Поруганная Эквестрия взывала о помощи, и капитан-командору даже не приходило в голову, что разделять Принцессу, правившую целое тысячелетие, и королевство — её собственный, по сути, проект — бессмысленно.

Предприятие рискованное, Селестия мне свидетель. Могут разоблачить, и тогда держись. Но нельзя позволить попираť честь нации каким-то варварам и дикарям.

Шайнинг никогда не был особым знатоком магических дел. В училище его, как единорога, заставляли зубрить заклинания — вот и вся наука. Однако по силовым полям он мог дать фору даже маститым волшебникам.

Может, у них тут вообще не знают, что такое силовое поле?.. Да. Ни «наскок Файрфлая», ни «удар Рэдкоута», ни «штурм сира Грааля» тут не помощники.

Шайнинг дрожал от нетерпения. Принесли копьё, скорее! Дайте мне, дайте постоять за оскорблённую честь Принцессы!

И вот противники, раздувая ноздри, прижимая уши, упёрлись копытами в мостовую. Шайнингу на нос приземлилась снежинка. Делай что должно и будь что будет.

— Сталлионградичи не сдаются! — вдруг возопил Булат.

— Пошёл!

— ...Тартарологи с факультета экспериментальной некромантии пытались призвать дух Старсвирла Бородатого в Кантерлотской Библиотеке. Казалось бы, главное условие было: достаточно мощное магическое поле, в которое сам великий маг внёс немалый вклад. Однако амбициозный проект так и не увенчался успехом: скорее всего, потому, что Старсвирл умер в Мэйнхеттене, а плоды его трудов, из которых, грубо говоря, можно сложить второго Старсвирла, находятся совсем в другом месте.

Селестия взглянула на тот бардак, что творился возле ристалища и слегка поморщилась. Положение выходило из-под контроля.

— Мистер Перкинс? — позвала она.

Сержант Перкинс появился, как по волшебству, из-за чьей-то спины.

— Так точно? — и вытянулся, тучный, бодрый, угловатый.

— Проследите пожалуйста, за Шайнинг Армором.

— Слушаюсь.

Принцесса хорошо знала и Перкинса, и его отца, и его деда. Шайнинг в надёжных копытах. Да и как не довериться этакому Старсвирлу от Гвардии?

Селестия обернулась к Волге. Генсек провожала сержанта горестным, нахмуренным взглядом.

— Нам точно не надо вмешаться? — спросила она.

Селестия покачала головой и, как ни в чём ни бывало, продолжила рассказ.

Возможно, дело бы решила транспортировка свитков в Мэйнхеттен, но у некромантов возникли какие-то трения с администрацией библиотеки, которая не дала добро. Селестии же в то время некогда было с этим разбираться, да и ворошить прошлое, по правде говоря, не хотелось... она ведь ещё помнила тот час, когда умер Старсвилл.

«А что если, — пронзила разум Принцессы мысль, — поручить лучшим тартарологическим умам разработать заклинание для воскрешения Сталлиона?..»

От таких поступков трещат и разваливаются империи, мой дорогой Шайнинг — так бы сказала Кэйдэнс. Он не только подвёл родное королевство. Он ещё и не оправдал августейшего доверия, безграничного, великодушного и глубоко личного.

— Ба! Что я вижу? Ищи-свищи ваше благородство! Подковы задрожали? А, Шаня, забодай меня параспрайт? Сладок эквестрийский медок, да есть в нём пчелиных крылышек?!

Шайнинг пятился. Булат напирал. Толпа гомонила.

План потерпел фиаско. Попрана его личная честь, честь Эквестрии и честь Принцессы. Задумка была проста, как один бит: быстро и незаметно создать небольшое силовое поле, в котором увязнет противник, и — але-оп! — пожалуйста, триумф Эквестрийской Короны. Но Шайнинг забыл одну гвардейскую поговорку: «если с неба может упасть мул, он обязательно упадёт».

Шайнинг не знал, заметили ли в толпе его уловку. Булат-то точно заметил, и не намеревался это скрывать.

— Ах ты, дундук поганый! — шипел Булат, грохоча подквами по мостовой. — Надурить меня вздумал, да?! Знай наших, не вышло! Не вы-шло! Хлам эти ваши правила, а? Хлам? Отвечай толком, не юли! Будет тебе подличать!

И Шайнинг уже готов был раскаться, сознаться во всём, как их грубо прервали.

— Сто-о-ой! Тпру!

Он узнал голос мистера Пая. О, он был страшен! Казалось, от ярости из ушей почтенного семьянина сейчас повалит дым.

— Объясняю популярно... — зашипел мистер Пай. — Мне, — мистера Пая затрясло, как от сенной лихорадки, уши захлопали, а хвост стал описывать восьмёрки, — Пинки-чувство подсказывает: не было здесь, пхе, никакого подвоха! Что ты тут выдумываешь, жеребёночек?!

В самом деле. И какого бриззи Шайнинг ещё должен перед ним оправдываться? Да что такое? Какой-то пониссар не указ рыцарю без страха и упрёка, защитнику слабых!

— А тебе чего, дядя? — прорычал, сжавшись в комок, Булат. — Что осерчал? Тебе-то что?

— Пинки-клятвой клянусь, — процедил мистер Пай, — натурально, сколько живу, а такого дурака не видел. Такой камешек тебе не разгрызть, усёк?

Расталкивая всех и вся, вперёд вырвался пегасик, сын Булата. Глядя на него, Шайнинг похолодел: пегасик глотал слёзы гнева. Однажды, в училище, Шайнинг уже видел, как приходит в ярость жеребёнок. Это было страшно. Шайнинг и теперь содрогнулся. Только

детских истерик не хватало. Он снова чувствовал себя пристыжённым.

— Крю... крю... — пегасик задыхался. — Крюйс-бом брамсель мне в левое ухо! Что ты сказал, старая ты, злобная посудина?! Да я тебя копытом расшибу!

Такой поворот событий обескуражил мистера Пая. Одно дело нападать на взрослого жеребца — к этому он привык — но ему, как семьянину, противела мысль всерьёз лаяться с молокососом.

— Харитон, — жена Булата была уже тут как тут. Неколебимостью её сдвинутые брови походили на железные пруты. — Утомонись.

И пегасик уже завёл пластинку о «подлых эквестриях», «шельмах», «лопни моя селезёнка» и «старой лохани», когда появился Перкинс. Будто бы переменился ветер — с грозы, грома и проливного ливня на тёплый пасмурный денёк.

— О-отставить! — Перкинс, жуящий табачный лист, окинул всех взглядом. — Отставить, чтоб меня склевал дрейфующий баклан! Вымочи якоря, юнга, и не веди себя, как голодный кок! — Перкинс откашлялся. — Словом, отставить.

Сердце Шайнинга мало-помалу сбавляло обороты, а брови ползли вверх. Что-то он не помнил, чтобы Перкинс служил во флоте — в воздушном ли, или в морском.

Шайнинг коротко посмотрел на Булата. Тот, оскалив зубы, сверлил взглядом Перкинса. Когда он оглянулся на Шайнинга, капитан-командор даже попятился; такая ненависть гуляла на лице Булата.

— Ну, — Перкинс заложил ногу за ногу. — Не будь я Перкинс, начнём с того, что в шестьсот сорок втором году его чистопородие сир Рэдкоут, жалованный за храбрость огненным рубином, внёс в Турнирое Уложение некую поправку. — Перкинс переменял позу. — Поправка объявляла действительным применение магии во время турнирных состязаний, — но! — Перкинс, вскинув копыто, заткнул Булата, — эта поправка была отменена спустя три дня после её введения ввиду преклонного возраста и состояния ума его чистопородия сира Рэдкоута. Возможно, Шайнинг Армор, джентльпони, хочу отметить, весьма и весьма рыцарственный, просто забылся в пылу благородного поединка и посчитал, что поправку вновь сделали действительной.

Все переглянулись. Шайнинг сморгнул.

— Оки-доки-локи, — зашипел мистер Пай, — то есть, ты, сэр, клянусь бабушкой перевёртыша, утверждаешь, что он колдовал, да? А не кажется тебе, пхе, что это не по-партнёрски?

И тут Шайнинг впервые увидел, как Перкинс широко, до ушей, улыбнулся. Лучше бы он этого не делал. Это было настолько непривычно — как если бы Кэйдено, которая едва-едва разбиралась в гвардейской этике, начала бы сыпать направо и налево солёными словечками.

— Мистер Пай... — Перкинс покачал головой. — У нас, в Понивилле, говорят: сердитых в повозку впрягают. Так оно и есть, сено-полено, не будь я Перкинс! Это верно как то, что всепони должны хотя бы раз в жизни побывать на Празднике Летнего Солнцестояния, — он не спеша вытащил из-под нагрудника новый табачный лист. — Вот помнится, ездил я как-то в Понивилль, навестить стариков-родителей, и слышал там историйку об одной грифонихе...

Селестия с улыбкой слушала знакомую (узнала во всех подробностях от Спайка)

историю с Гильдой, которую Перкинс пересказал на свой лад.

— ...жили они долго и счастливо, и народили целый полк маленьких первостатейных пегасят. Так-то, почтеннейший публикум. Конец. — Перкинс отряхнул копыта.

И вот, снова, пришёл Перкинс и простым сержантским прищуром спас мир от международного скандала. Которого, впрочем, сталлионградцы вполне заслуживают.

Мистер Пай надвинул шляпу на морду и закатал рукава.

— Ты меня, партнёр, со всякой шушерой грифляндской не равняй, ладно?

— Вот же сварливый старикан! — прорезался сквозь гомон толпы голос Сюрпрайз. — Как можно быть такой калякой-малякой? — и вот она, сама, дрожащая от негодования, вынырнула из хаоса лиц. — Да как вам только не стыдно, сэр?

Мистер Пай, забормотав проклятия, отвернулся.

Мало-помалу толпа, живо обсуждая происшествия, разошлась. И долго ещё по площади разносились вскрики Сюрпрайз: «да как вам только не стыдно? Да как вам только не совестно?..» — и неразборчивое бурчание.

А пегасик Харитон и жена Булата куда-то исчезли.

«У нас есть магия, но у нас нет чудес», гласил лозунг над входом. Ниже красовалась табличка: «с медведями вход воспрещён!»

И вот, Шайнинг стоял и смотрел исподлобья на эту громаду, на «Красный Декабрь», атомную станцию Сталлионграда. Массивные — с шапками снега, подобно утёсам — бетонные корпуса горели в полумраке метели сотнями окон и изрыгали из труб столбы густого дыма. Реяли алые знамёна на маковках куполов.

«Если им здесь так тяжело живётся, крупогрызам, — Шайнинг скрипнул зубами, — зачем тогда тратиться на такое-то сооружение?.. Ах, да. Забыл. У них же тут нет денег. Это всё объясняет».

Внутри всё было беленько, чистенько, даже технологично. Но и это Шайнинга, который по долгу службы бывал на всякого рода научных станциях, не удивило ни капли, а только распалило пуще прежнего. Снова они пародируют, как тогда, с ковром вместо ковровой дорожки. Опять, куда ни плюнь, эти плакаты, лозунги, портреты Сталлиона, и прочая сенная труха.

— Доброго денёчка, товарищи эквестрийцы. Здравствуй, генеральный секретарь. Я Добрыня Эвриков, тутошний работник. Пойдёмте за мной.

Шайнинг перевёл усталый взгляд на Сюрпрайз. Чутьё подсказывало что-то недоброе, и вот, это «что-то» случилось. Сюрпрайз следовала за Добрыней — статным и могучим пегасом с серой чёлкой — резвой прыгучей трусцой и крылья её, подрагивая, подымались.

Этого ещё не хватало. Нет. Нет. Вы просто шутите, издеваетесь, понячьи перья. И вот уже Сюрпрайз заводит с Добрыней весёлую беседу, эквестрийцы круглыми глазами смотрят на комплексы, которые могли бы запросто посоперничать с любой научной станцией Мэйнхеттена... нет.

А ещё Булат. Он всё время держится поодаль, поглядывает и хмурится. Ну, это просто, как кираса. Дорогуша-туземец точно что-то затеял.

Будь проклят тот день, когда их повели в «Красный Декабрь». Будь проклят тот день, когда он приехал в Сталлионград. Будь проклят тот день, когда рассыпался Снежный Занавес.

— ...однако, я утверждаю, что колдовать можно и с помощью обыкновенной отвёртки, — сказал доктор Хувс, всепони зааплодировали, и последняя надежда рассыпалась в сенную труху. Если бы от злобы могли отрастать крылья, Шайнинг бы взмыл сейчас под потолок.

Что это за гвардеец, который не может разбудить в ком-то внутренних параспрайтов? Почему умелая, рассчитанная до мелочей провокация Шайнинга, которой он надеялся вызвать среди эквестрийцев и сталлионградцев бурный научный спор, провалилась с таким треском? Почему всё вылилось в, лягать-гарцевать, конструктивный диалог, в котором даже Её Величество приняла радостное участие?

Да какая, в конце концов, разница, где тут реакторный зал, что тут построено при Прежневе, чем кристальный уран отличается от простого уран? Какое ему дело, что когда-нибудь у каждого сталлионградца будет по компактной атомной станции, какое дело, что именно писала о достижениях сталлионградских учёных газета «Научная Береста»?

Даже то, что на атомной энергии здесь работало несколько банек и кухонь, не возмутило Шайнинга. Хотя должно было. Вроде и не придерёшься, но Шайнинг был уверен, что на такое расходование драгоценного ресурса способны только законченные троглопони.

Они всё шли и шли, по лестницам, по площадкам, слушали шум реакторов, и пытке не виднелось конца. Шайнинг даже обратился к Перкинсу, как к последней надежде, но старая барабанная шкура со свойственной ей мастерством увильнула от темы, не будь она Перкинс, и Шайнинг снова остался один-одинёшенек. Приходилось шагать в компании остальных гвардейцев, которые, тупо моргая, смотрели по сторонам, и молчать.

Да на этой станции, как и в Эквестрии, имелся даже собственный седой взлохмаченный профессор! Менделей... Менделей, словом, как-его-там! И собственные кобылки-лаборантки в белых халатах! Им тут всем что, совсем круп прищемило с этим пародированием?

— Вот мы и на месте, товарищи! — Менделей потёр копыта. — Прошу любить и жаловать, операторский зал, которым мы зовём Отдел «Ы»!

— Почему? — вырвалось почти страдальческое у Шайнинга. — Почему «Ы»?

— А это, — профессор подмигнул, — чтоб никто не догадался.

Тут он поставил на свитке, который нёс перед собой телекинезом, галочку, и сказал: «есть!»

Шайнинга аж всего передёрнуло. Твайли. Она вспомнилась снова. Подумать только: он не отправил ей письмецо, даже коротенькое «у меня всё хорошо, как поживаешь?» какие-то три недели назад, на День Семейных Ценностей...

Как в стручке две горошинки, жили мы беспечно.

Вспомнилась Шайнингу Твайли, маленькая, неуклюжая Твайли с книжкой, брекетами на зубах и любимым Всезнайкой. Он, Шайнинг Армор, оберегал её, учился держать ответ

за свои поступки, учился защищать то, что ему дорого. Где теперь то простое, чудесное время, когда они тайком от родителей трескали пончики в магазинчике Джо?

Старый нарыв вскрылся, и сердце Шайнинга расплзались по швам.

Бездумно он пошёл за всеми в Отдел «Ы», который оказался просто огромен. Бездумно бросил взгляд на мигающие индикаторы, тумблеры, кнопки, огоньки, лампочки, и прочие вещи, названия которых он не знал и не хотел знать. Бездумно отвернулся.

— Иго-го! — Менделей взглянул на часы. — Чтоб мне провалиться, неужли это время перерыва?

Все сталлионградцы, кто бы чем ни щёлкал, кто бы что ни переключал за пультами, оглянулись.

— Товарищи, — Менделей отложил свиток в сторону. — Вы все прекрасно знаете, чем мы занимаемся между делом. Время научных частушек!

Невесть откуда каждый пятый сталлионградец выудил по инструменту.

— А ну, братия, — Менделей сорвал с себя халат, обнажив тельняшку, — зебрюночку, — айда! Эх, курчавенькой!

Кинув копыта сверху вниз, гармонист растянул, что было мочи, гигантский баян, и — пошла гулять губерния. Вышел на круг Добрыня, отбивая копытами частую вязь, ему наискось выпорхнул Менделей и принялся танцевать вприсядку прямо в воздухе, а потом запел...

*Я по улице иду
Реагентов не найду —
Хрен вам, реагенты
А не комплименты!*

— Задай трепачка, Менделей, профессор кислых щей!

— Ойся ты ойся, ты меня не бойся! Наяривай, чудотворче, наяривай! Гармонь лиха, разверни меха!

— Ух-х! Ну-косля, музыкантики! Где вас только молекулы носят?

*Как я атомы делил
Про кобылку позабыл
Ты, милёночка, прости
За такие нежности!*

Пропев, Добрыня подмигнул Сюрпрайз. Та чуть не грохнулась в обморок, — как и всегда. Только, пожалуй, теперь ей до беспамятства осталась самая-самая капелька.

Стучал резными ложками, жмурясь от удовольствия, молодой лаборант, пиликала тонким голосом скрипка, захлёбывался треском гулкий бубен, мурлыкала балалайка, а Шайнингу с трудом дышалось. Он не мог выкинуть из головы Твайлайт. Он ведь слышал о её подвигах, про Элементы Гармонии слышал, про Найтмер Мун, а про Дискорда и подавно. Но как только так получалось, что всегда, когда Твайли оказывалась в Кантерлоте, ему приходилось сидеть в очередном Верблюжьем Халифате, слушать

очередные заумные речи, и давиться очередным рахат-ибн-лукумом?..

*Как во Красном Декабре
Вдруг молекула помре —
Я к жеребчику пойду
С ним ещё сто заведу!*

— Иго-го, землячки, норовистая какая!
— Огонь-кобылка, товарищи, жар-пони! Стрекоза-егоза!
Рыжей масти сотрудница, тряхнув пепельной гривой, лукаво улыбнулась и ушла с круга.

И тут случилось то, чего Шайнинг ждал и боялся.

— Эх, аррива, сейчас спою! Говори Стальёнград-разговаривай Эквестрия! — взвизгнула Сюрпрайз и, кружась, выскочила на круг. Тут же подрулил Добрыня, но Сюрпрайз не думала успокаиваться:

*Сомбра-Сомбра, где ты был?
Подо льдом водичку пил —
От Стальёна я бежал
Да и в озеро упал!*

Взрыв хохота. Сюрпрайз, румяная от счастья, принялась выплясывать, подражая Добрыне, и сталлионградцев прорвало на ржание: не шла бойкой кобылке богатырская, с ленцой, повадка Добрыни.

Впрочем, самому Добрыне, кажется, это нисколько не мешало. Он смотрел на Сюрпрайз и не мог отвести глаз.

«Что за цирк с медведями?.. — Шайнинг громко застонал, но никто ничего не услышал. — Сорок два раза лягать, да уже у меня не только в печёнках, но и в мыслях сплошные медведи!!»

Позеленев, Шайнинг ушёл за пульты. Гвардейское ангельское терпение, по которому в училище проводили специальные занятия, истощалось, словно запасы сидра в жаркий денёк.

Пора — не пора, я иду со двора. С горем пополам, но холодная война продолжается.

Булат проводил глазами Шайнинга и взглянул на Сюрпрайз, которая, морща лобик, сочиняла на ходу частушку и уже в третий раз пела: «эх, дёрпи да дёрп, да ещё раз дёрпи-дёрп!». Потом он оглянулся на двух правительниц. Они, казалось, отрешились от всего — только вели тихую беседу и нет-нет, да улыбались. Селестия, как померещилось Булату, даже притопывала копытом в такт.

Бешенство после выходки эквестрияка ещё не оставило Булата — просто прикорнуло за

углом. Паче того, не давала ему покоя одна горькая мысль: Копейка сотворила ужасное, уведя прочь Харитошу, который говорил правду. Это уже ни в какие рамки. Новая Эквестрийская Политика, и только. На что это похоже?! У них, у эквестрияков, принято затыкать рты тем, кто говорит неудобное принцессе!

Больно было думать, что не бывать прежнему согласию с сестрой. Путей немного: либо смириться с тем, что эквестрияки одним своим бытём на земле Сталлионграда, либо биться. Биться насмерть, не щадя ни себя, ни врага.

Так тому и быть.

И Булат, похрустев шеей, рысцой пошёл за Шаней. Он увидел его тут же, за углом: эквестрияк стоял и смотрел на пульт. Не глазел, не тарачился, нет — просто смотрел. Так ест тот, кто не голоден, но знает, что не подкрепиться нельзя.

Думает. Хах. Этот гнусный пыжик уже показал, на какие выкрутасы способна Эквестрия, если дать ей минутку «на подумать».

— Ау, эквестрияк! — Булат привалился к пулту. — Когда свадебку громыхнём, а?

Шаня перевёл на Булата глаза, словно дуло экспериментальной спаренной винтовки конструкции Калашина.

— Что? — бровь Шани поползла вверх, но во взгляде осталась муть.

— Объясняю, — Булат усмехнулся. — Вон, эта ваша маленькая пони. Так на нашего Добрыню смотрит, так смотрит... Ух, так бы и съела, кажется!

В глазах Шайнинга блеснула искорка смысла. К тому времени, когда Булат обошёл его и встал не по левое, а по правое копыто, он, миляга этакий, очнулся напрочь. Ох, щорсы-ёрсы вертаты, вертатушки мои. Уже появилась в его позе эта надменность, этот господский гонор, эта каменная гвардейская морда. Даже золотая сбруя, казалось, переливается в свете мигающих лампочек. Тьфуй, шельма!

— И что? — уголки Шаниных губ дёрнулись не то вниз, не то вверх. — Не вижу здесь проблемы.

— Вот как? Ну а как же испорченное родовое древо? Что бедной пегаске придётся себе на гербе изобразить? Атомную станцию, али что?

— У нас, — сказал ледяным голосом Шайня, — на герб не смотрят. Главное, чтобы пони друг друга любили.

— Ха! Ха-ха-ха! — Булат вовсе не смеялся. Он говорил «ха!», не больше, не меньше. — Ишь ты, поди ж ты, да что же говоришь ты. И много вы там о любви знаете, м?

— Уж побольше вашего, — Шаня скроил презрительную рожу.

Булат подошёл к Шане вплотную. Рога противников скрестились.

— Вот у тебя, эквестрияк, есть ненаглядная?

— Хи-хи-с, как же.

— Кто?

— Принцесса.

— Принцесса. Вот как?

— Да.

— Понял, не дурак. Был бы дурак, не понял.

Отстучали, словно пулемёт, скороговорки. Казалось, вот-вот поднимутся жеребцы на дыбы и сцепятся, но — нет. Булат развернулся, отошёл, снова развернулся. Ещё не время

давать волю копытам.

— И ты, пакостник, за неё по любви пошёл, да? — он скривил рот на манер улыбки.

Шаня помолчал.

— Я люблю её так, — сказал он, — как только может любить благородный рыцарь прекрасную кобыледу.

Булат только фыркнул. Красивые-то слова всякий эквестрияк растабарывать мастак, а как до семьи дело дойдёт — нет, помилуйте, умываю копытца. Недаром у них там прирост населения — хуже не придумаешь, и что ни свадьба — развод. Развод. Тоже мне, придумают слово. В Сталлионграде разводов отродясь не бывало.

— Не то что у вас тут, — ухмыльнулся Шаня. — Думаешь, я не знаю, как ты со своей женой обращаешься? Держу пари, ты её просто запугал.

Булат замер. Несколько мгновений он, слушая краем ухом весёлые попевки за углом, пытался взять в толк, а потом додумался. Ну, Шаня! Ну, забавник! И как ему только такое в голову пришло?

— Объясняю, — рассмеялся Булат. — Не жена она мне, дурашка. А сестра. Сестра, как ты не поймёшь? Меня старше на пять лет. А пегасик тот, который тебя, милпони, уличил в самоуправстве — Харитоша. Мой племянник. Ясно теперь?

Шаня скроил недоверчивую мину. Булат пожал плечами. Этот забег он выиграл.

Но при всём при том, причудливая штука представилась Булату. В Сталлионграде никто никогда даже и не смел подумать, что он пользуется сестру заместо жены; только чужаку могло такое померещиться. Сестра-то она ему сестра, но была когда-то взамен матери...

— Не знаю, врёшь ты, или нет, — Шаня звякнул об пол накопытником, — но нашей Сюрпрайз с таким мужем будет не стыдно. Он хотя бы строит реакторы.

— Ага. Ценные кадры переманиваете, да?

Шаня одарил его взглядом исподлобья.

— Нет, спасибо. Нам своих хватает.

— Вот как! Иго-го! И много у вас там реакторов, а? Полтыщи на один город?

— Если ты, — закипал Шаня, — не заткнёшь свою мерзкую пасть, ты, мул-крупогрыз... я покажу тебе, что такое моя любимая Гвардия!

Булат аж заржал.

— Мы уже давеча видели, что такое «твоя любимая Гвардия», благодарим покорно! — и поклонился. — А ты, эквестрияк, смотри лучше, что такое наши учёные! Видишь, видишь эту громадину, а? А знаешь, что это за синее такое мерцание по стенам стелется?

Шайнинг, дрожащий от гнева, посмотрел.

— Нет, — проговорил он.

— А-во-сь-ки, — сказал Булат. — Такая магическая штука, чтобы не пускать радиацию. Смекаешь?

Может, неправильно это, с точки зрения просветительской деятельности. Может, это перебор. Но такого пампадура не прошибёшь ничем. Лучше преподать ему урок наглядно, а то — ух, разбегайся-расступайся! эх, распегасит! — ещё шутиху из рога пустит. Или кексами закидает.

— Нет! — рявкнул Шайнинг и копнул копытом пол.

— Немудрено, шорсы с ёрсами. Так вот, гляди, эквестрияк, ежели ещё думаешь, что мы тут все дремучие чурбаны. Сейчас ты увидишь всё собственными глазами.

Эх, была не была. И Булат, упершись копытами в пол, начал колдовать. Волшебный огонь запылал на кончике рога, и всё разгорался, и разгорался, и разгорался; Шаня тут же сотворил силовое поле и затаился за ним. Перетрухал товарищ Шайнинг.

А потом Булат вдарил огнём по одной из авосек. Синяя плёнка, словно тонкая ткань, вспыхнула и пошла гореть, пока не унялось пламя. И стала вместо куска авоськи большущая дыра.

Заговорила сирена. Булат задул дымок рога и улыбнулся эквестрияку широкой, доброй улыбкой. В глазах противника он читал: «замуровали!.. Замуровали, в рот мне копыта!»

И эквестрияк бросился бежать. Догадался Шайнинг. Можно сказать, быстро смекнул, для уроженца игрушечной страны. Ну, полетай, полетай, пташка.

Товарищ Сталлион говорил: «чужой земли мы не хотим не пяди. Но и своей — вершка не отдадим!». После эти великие слова легли в песню. Так что ж? Вот, Шаня бежит, поджав хвост, а счастья как не было, так и нет. Злорадство улетучилось быстро, и осталась тяжёлая, угрюмая дума. Маху дал, батенька Кремлин. Неправильная это священная война.

Теперь Булат решил, что, предвидев силой своего ума вероломство эквестрияков, к нему взаправду пришёл Товарищ Сталлион. Да, да, это был не просто сон! Но разве не становится Булат, верный служивый пониссар, иноходцем? Разве не изменяет он курсу Партии? Но, изменяя курсу Партии, он следует заветам Вождя и Учителя! Кто главнее? Одобрит Товарищ Сталлион смелое решение Булата, назовёт храбрецом или сумасбродом?

Так думал Булат, пока к нему со всех копыт мчались учёные. Цокот стих — команда спасения выстроилась у «пробоины». Профессор Савва Менделей отдал команды; трёх секунд не прошло, а красно-голубые уже искры посыпались с рогов, и учёные сотворили один, общий луч. Ударил сердитая, ядрёная, насыщенная энергиями магия и прореха стала затягиваться, словно порез, что обработали наливкой из развесистой клюквы.

Спустя минуту всё было кончено. Менделей смахнул с седых косм пот, глянул на мерцающую преграду и поморщился. Авоська то бледнела, то вспыхивала ярким светом. Цокнув языком, Менделей крикнул, развернулся, ухнул хорошенечко по стене задними копытами — и всё наладилось.

Тогда-то все и обернулись к Булату.

— Скажи, товарищ Кремлин, что здесь происходит? — спросил Менделей, отдуваясь и оттягивая ворот тельняшки.

Булат усмехнулся. Как приятно и просто было бы свалить всё на эквестрияка. Но это — не наш метод. Тогда он предаст и Товарища Сталлиона, и Партию, и себя самого.

— Это я, — кивнул Булат.

Менделей вздрогнул, уставясь в пустоту, и сел. Седая копна на многомудрой голове вздыбилась.

— Как так? — спросил он придушенно. — Зачем?..

— Эквестрияк не желал верить в несомненное превосходство наших доблестных

учёных.

Доблестные учёные ничего не ответили. Они просто таращились на Булата.

«Вы просто не знаете всей картины, товарищи, — скрипнул зубами Булат. — Как же, забодай меня параспрайт, это всё опостылело».

— Оно, конечно, наши учёные доблестные, но зачем авоськи ломать? — выйдя из-за пульта, Волга смерила Булата долгим, пронзительным, немигающим взглядом. — Товарищ Кремлин, я подниму вопрос о твоей должности на следующем собрании Боярской Думы. Ты ведёшь себя самым неподобающим образом.

Булат не подал виду, а только переступил с ноги на ногу. Конечно, не в том дело, что он боится лишиться высокого поста. Просто до него лишь теперь со всей отчётливостью дошло, что всё, что он затеял, всё, что он будет продолжать — всё это не любо и не может быть любо Партии. Партии, которая, как любит говаривать Копейка, избрана народом, чтобы вести Сталлионград в светлое будущее. Но как быть, если светлое будущее вовсе и не светлое, а ждёт их от Новой Эквестрийской Политики только мрак, запустение и раздраз?

А если этак посмотреть: добился он чего-нибудь, задирая эквестрияка? Харитоша теперь мучается, с Копейкой теперь нелады, сверху грозятся наказанием, а на душе тоска и смута.

— Виноват, товарищ генеральный секретарь, — буркнул Булат.

Волга нахмурилась.

— Ты предаёшь идеи Товарища Сталлиона, товарищ Кремлин.

И она, не переменившись в лице, направилась прочь. Учёные, поглядывая друг на друга и на Булата, потянулись вдогонку. Менделей остался дольше всех: так уж вышло, что однажды Булат вытащил его, полуживого, из пурги. Но — против слова Партии не попрёшь, и профессор, покряхтывая, тоже удалился.

«Я за эту Партию в огонь и в воду, — закипел Булат, — а она! Пускает эквестрияков на порог, да ещё заявляет, что я — я! — предаю идеи товарища Сталлиона! Это кто тут кого, чтоб мне лопнуть, сейчас предаёт?!»

Булат ещё немного постоял. Вдохнул. Пошёл следом. Хотелось возопить: где ты, Товарищ Сталлион, где? Покажи, Расскажи, как быть, приди!.. Расскажи им, что не он — иноходец, а они изменили всем, каким только можно, заповедям! Что за несправедливость?

Какая жалость, что нет старшины Квасмана. Он бы растолковал. Он бы рассудил. Он бы всё по чести, по совести сказал.

О прежнем, праздничном, настроении не могло быть и речи. Учёные попрытали музыку и, прилипнув к пультам, следили, нет ли неудок; эквестрияки, бормоча испуганным шепотком, озирались; а Шайнинг — Шайнинг был тут как тут. Видно, он, как только зазвучала тревога, бросился защищать принцессу. От Булата не укрылось, что гвардейцы до сих пор стояли на взводе.

Взгляды противников скрестились и Булат, прочитав в глазах Шани «постойте же, я вам отвечу» понял: всё, шабаш. Пусть он тысячу раз пойдёт против курса Партии, должен остаться хотя бы один уголок надёжности в этой беспорядочной жисти. Эквестрияк, видно, не прочь покалякать по душам, и Булат не откажет заграничному гостю в

удовольствии.